

Георги Господинов: Страх стимулирует литературу

Его называют лицом современной болгарской прозы, поскольку Георги Господинов — один из самых читаемых болгар в мире. Помимо стихов и прозы, он занят научной работой в Институте литературы, является редактором болгарской «Литературной газеты» и ответственным редактором лондонской «Orient Express», пишет пьесы и сценарии для большого кино. В свой недавний приезд в Москву болгарский мэтр нашел время для эксклюзивного интервью «Эхо».

— Георги, с чего начался ваш путь в литературу?

— Моя литературная деятельность началась с детского кошмара. Лет в семь меня стал преследовать страшный сон, о котором я пытался рассказать бабушке. Но каждый раз она меня обрывала на полуслове: «Молчи, ты не должен рассказывать о своих кошмарах, потому что тогда они сбудутся». Но я не мог жить с этим, мне требовалось кому-то излить душу. И тогда я подумал: если записать сон на бумагу, то он, конечно же, не сбудется. Так я и сделал. Это принесло облегчение. С тех пор я знаю, что страх — серьезная причина, чтобы писать.

— В своё время вы сочинили книгу «Я жил при социализме». Как готовился этот труд?

— У меня вышло две книги, посвященных той эпохе. «Я жил при социализме. 171 история из жизни» и «Инвентарная книга социализма». Что касается первой, то вначале это был Интернет-проект. Я предложил пользователям Сети прислать свои истории, случившиеся в социалистическую эпоху. Это должны были быть личные воспоминания. Хотелось, чтобы люди вспомнили и переосмыслили то время. Откликнулись более 500 человек. Самому старшему было 70 лет, а самому

фото: А. Никеричева

молодому 7. Из этого получилась пестрая картина, на основе которой и родилась книга. Она выдержала два издания и вызвала бурную дискуссию.

А материал для «Инвентарной книги социализма» мы собирали с друзьями. Описали старые фотоаппараты, радиоприемники, шоколадки — всё, чем мы

были окружены в ту эпоху. Получился своеобразный каталог болгарских вещей из повседневной жизни 1956–1989 годов. Эта книга имела еще больший успех. Кстати, повседневными деталями социализма наполнен и мой «Естественный роман». Это пестрое, разноцветное время благодатно для писателя. Я считаю, что

историки описывают его абстрактно, общими словами. В то время как настоящая трагедия ощущается лишь через детали. А такой способ подачи материала практикует только литератор.

— В России многие романтизируют ту эпоху. А как в Болгарии?

— Конечно, у нас тоже существуют тоска по советским временам, и явное приукрашивание той реальности. Я сам вспоминаю ту эпоху с наслаждением, потому что это времена моего детства. Но проблема в том, что некоторые люди путают тоску по детству с ностальгией по социализму.

— Какой запомнилась жизнь при социализме лично вам?

— Я всё больше вспоминаю о чувстве страха. Однажды бабушка тайно повела нас, своих внуков, в церковь, чтобы окрестить. Священник предупредил, чтобы мы ничего не рассказывали родителям, и мои папа и мама действительно долгое время оставались в неведении насчёт моего приобщения к православию. Этот случай можно назвать первым моим шизофреническим раздвоением. Хотя он типичен для социализма. И так со мной случалось не раз — когда я не знал, как правильно поступить.

— Наверное, раздвоение сыграло немалую роль, когда вы издали «Болгарскую хрестоматию» и «Болгарскую антологию», которые являются литературными мистификациями?

— О, это была часть пестрого карнавала 1990-х! В те годы мы учились понимать литературу и рассуждать о ней совсем по-иному, чем при социализме. Тогда вообще было много мистификаций. Я и мои приятели выдумали несуществующих болгарских авторов и опубликовали их несуществующую переписку. Также мы написали по одному стихотворению за каждого из известных болгарских поэтов, четко соблюдая стиль оригинала. Оказалось, что индивидуальный творческий почерк не так уж сложно симитировать. Некоторые наши тексты вышли весьма удачными. Часть стихотворений даже была переведена на другие языки. Но все эти шалости породили литературные скандалы. Нам пришлось держать ответ, поскольку некоторые реальные поэты опровергали свое авторство.

— Ваш «Естественный роман» называют оригинальным анархическим произведением. А в наше время всеобщего подражания сложно создать что-то оригинальное. Как это удалось вам?

— Я знал, что имею право на провал, поэтому могу писать странно и до предела искренне. Главного персонажа книги зовут Георги Господинов. Но в отличие от Флобера я могу сказать: «Георги Господинов — это не я». В этой

книге есть списки удовольствий 70–80-х годов, и всё это проходит через личную жизнь одного писателя. Жизненные итоги герой подводит в тот момент, когда распадается прежний режим. Роман охотно переводят, а значит, история личной жизни человека универсальна.

— Ваша поэзия и проза чураются натурализма. У вас есть табу в литературе?

— Я не считаю свое творчество излишне натуралистичным. Мои образы — это, прежде всего, метафоры. Например, туалет — это метафора места, где мы изолируем себя от мира, чтобы побыть немного в одиночестве.

— Как вы относитесь к использованию неформальной лексики в литературе?

— Мне нравится смешение повседневного и литературного языка. От этого произведение только выигрывает. Если мы хотим написать честный роман, то должны пользоваться всеми языковыми средствами. Неплохо также изучить собственную жизнь с точки зрения насекомого. Неслучайно в моем романе появляется «Естественная история мух». Мы живём в чересчур антропоцентрическом мире. Нам неустанно внушают, что человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий. Этот однобокий взгляд на мир нужно как-то расширить.

— Вы занимаетесь научной и редакторской деятельностью, ведёте колонку в газете. У вас никогда не возникало желания, что называется, «творить без суеты»?

— На самом деле это мечта любого серьёзного писателя. Но жизнь есть жизнь. Я ведь существую только на те средства, которые зарабатываю «письменным» трудом. Я защитил диссертацию, пишу пьесы, рассказы, даже взялся за комиксы. Вместе с художником мы пытаемся показать мировую историю опять же с точки зрения мухи. Переход

из жанра в жанр позволяет мне оставаться открытым всему новому. По большому счёту, я всё время рассказываю одну и ту же историю, просто средства разные.

— В советские времена, не в пример нынешним, болгарские писатели активно издавались в СССР. Что сейчас происходит в вашей литературе?

— Сейчас в болгарской литературе существует явление, которое можно обозначить «воля к роману». Многие болгарские авторы, которые никогда не писали романов, засели за это кропотливое занятие. Очевидно, у литераторов появилось желание рассказать о себе и о времени в крупных формах.

— Читают ли сейчас в Болгарии русскую литературу?

— Да, российская литература по-прежнему у нас популярна. Помимо классики, востребованы книги Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Людмилы Улицкой, Виктора Пелевина. На слуху стихи Иосифа Бродского.

А вот что меня огорчает, так это упадок интереса к болгарской литературе в России. Этот спад обозначился ещё в конце 1970-х. И сейчас в России о болгарской литературе мало что известно. Мне кажется, это неправильно. Нам надо пошире открыть глаза, чтобы получше узнать друг друга. Ведь это так важно — присмотреться к своему соседу.

Беседовала
Екатерина Щеглова
Эхо планеты

